

20. Gaidai A., Pogodina V. Features of the design of ecological trails in protected areas of St. Petersburg. Natural and cultural heritage, 2016, pp. 440–445.
21. Nutsford D., Pearson A. L., Kingham S. An ecological study investigating the association between access to urban green space and mental health. *Public Health*, Vol. 127, Issue 11, 2013, pp. 1005–1011. DOI: 10.1016/j.puhe.2013.08.016.
22. Problems of development of domestic and inbound tourism in Russian Federation, 2018, P. 223.
23. Thongdejsri M., Nitivattananon V. Assessing impacts of implementing low-carbon tourism program for sustainable tourism in a world heritage city. *Tourism Review*, Vol. 74, Issue 2, 2019, pp. 138–156. DOI: 10.1108/TR-04-2017-0082.
24. Kounova T., Koleva V., Dragoeva A. P., Natchev N. Peri-urban national parks as green spaces for recreation: A case study of nature park Shumen plateau. *International Journal of Social Ecology and Sustainable Development*, Vol. 10, Issue 1, 2019, pp. 46–58. DOI: 10.4018/IJSESD.2019010104.

DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-23-33

УДК 101.1

О. А. Моисеева, М. Ю. Чернавский

Идея тотальности идеологии в современной социальной философии

*О. А. Moiseeva, M. Yu. Chernavskiy. Idea of Totality Ideology
in Modern Social Philosophy*

В статье анализируется тенденция к тотальности идеологии в современной социально-философской мысли. Тотальность идеологии выражается в распространении этого феномена на аспекты социального бытия человека. Философы методологически апеллируют к пониманию идеологии как дискурсивного знания (М. Фуко), государственно детерминированной символической системе описания мира (П. Бурдьё), коннотации (Р. Барт), симулякру и симуляции (Ж. Бодрийяр), желанию субъекта (С. Жижек).

The article analyzes the trend towards the totality of ideology in modern socio-philosophical thought. The totality of ideology is expressed in the spread of this phenomenon to number of aspects of human social life. Philosophers methodologically appeal to the understanding of ideology as discursive knowledge (M. Foucault), state-determined symbolic system of describing the world (P. Bourdieu), connotation (R. Barth), simulacrum and simulation (J. Baudrillard), the desire of the subject (S. Zizek).

Ольга Александровна Моисеева — доцент кафедры общественных процессов, средств массовой информации и рекламных технологий Института социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета), кандидат педагогических наук.

Михаил Юрьевич Чернавский — заведующий научной лабораторией «Анализ социальных проблем» Института социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета), доктор философских наук, доцент.

© Моисеева О. А., Чернавский М. Ю., 2019

Ключевые слова: идеология, тотальность идеологии, субъект, дискурс, символическая власть, гегемония, денотат, концепт, коннотация, симулякр, идеологический фантазм, желание.

Контактные данные: 109004, Москва, ул. Земляной Вал, д. 73; (495) 640-54-38; chernavsky14@mail.ru.

Keywords: ideology, totality of ideology, subject, discourse, symbolic power, hegemony, denotation, concept, connotation, simulacrum, ideological phantasm, desire.

Contact Details: Zemlyanoy Val St. 73, Moscow, Russian Federation, 109004; (495) 640-54-38; chernavsky14@mail.ru.

На протяжении последних четырех десятилетий феномен идеологии приобретает не только различные, но и диаметрально противоположные толкования в российских социально-философских и политологических исследованиях. Доминирующие интерпретации идеологии в научно-академическом и экспертно-аналитическом пространствах при этом закономерно синхронизировались с политической и социокультурной ситуацией в России и мире. В обобщенном виде следует выделить три базовых способа трактовки идеологии в отечественных социальных науках.

Первый — «марксистский» подход (1980-е) — предполагал рассмотрение социальных процессов сквозь призму социальной науки, к которой относился диалектический и исторический материализм, не предполагавший отклонений от классически понимаемых критериев научности в познании общественных процессов. С этим была связана акцентировка внимания на идеологии исключительно как форме общественного сознания, искажающей объективную реальность ввиду присущей его носителям социально ангажированных характеристик. Исключением выступал марксизм-ленинизм, который трактовался не как идеология, а как форма социально-научного познания. Марксизм был способен объективно анализировать социальную реальность, учитывая, что диалектический метод, находившийся в его основе, коррелирующий с законами развития природы, общества и мышления.

В период существования Советского Союза, страны-носительницы марксистского мировоззрения, представление об идеологии как об одной из разновидностей аберрации общественного сознания получало мощную экономико-политическую ресурсную составляющую. Слои коммунистически ангажированных философов и пропагандистов рьяно отстаивали установку на популяризацию прогрессивной и научно обоснованной идеологии марксизма-ленинизма. Марксизм-ленинизм в перспективе должен был ниспровергнуть аберративные формы общественного сознания, к которому относилась не только идеология, но и религия, а также широкий ряд философских учений и ряд направлений искусства.

Второй — «либеральный» подход (1990-е) — объявил начало эпохи «внеидеологичности» сразу после того, как идеология коммунизма потерпела поражение. Вслед за этим дискредитирована также и возможность истинностно-марксистского прочтения социальной реальности. На место идеологии коммунизма пришла идеология победившего либерализма, которая также отказывалась признавать себя идеологией, рядилась в одежды социальной науки и взывала к идее «конца идеологии» как аберративной формы отражения социальных отношений в общественном сознании. На этот раз либерализм объявлялся самой компетентной, адекватной, а значит, научно обоснованной формой отражения социальной реальности. Либерализм рисовали якобы совершенно свободным от тенденциозных предпочтений его адептов, обусловленных их социально-экономическими потребностями. Бывшие теоретики марксизма-ленинизма на возмездной основе западных грантов с выработанной десятилетиями коммунистической решимостью бросились

научно обосновывать новый социальный заказ. Либерализм, выступая от лица социальной науки, пропагандировал общественную иллюзию того, что практика социально-экономических отношений каким-то образом доказала соответствие идеологии либерализма потребностям некоего абстрактного человека, состоящим в идее материального потребления на базе рыночного капитализма и либерально трактуемой демократии. Наряду с этим наблюдалась ярко выраженная тенденция очернения прошлого своей страны, которое якобы пронизано едкими идеологическими метастазами православно-монархического либо коммунистического способа искажения социальной реальности.

Социально-экономической базой для трактовок либерализма в качестве универсальной системы принципов, претендующих на научность, стал развал мировой социалистической системы и попытки стран Запада во главе с США выстроить однополярный экономический порядок. Прозападному экономическому порядку сопутствовал агрессивно продвигаемый и щедро оплачиваемый экспорт западных политических и культурных ценностей в качестве универсальных, что получило идеологически нейтральное наименование глобализации. Доминировавшая в российском общественном сознании шизофреничная установка в стиле горбачевского «нового мышления» жадно стремилась соединиться с чужеродной абстракцией «общечеловеческих ценностей», «общеевропейского дома» и «всего цивилизованного мира».

Третий — «патриотический» подход (2000–2019) — оформился в условиях предпринимаемой в России попытки возвращения к принципам политического суверенитета и необходимости следования национальным государственным интересам. Идеология перестает восприниматься только в контексте общественного сознания и начинает интерпретироваться как один из базовых способов детерминации социальных, социально-экономических, политических отношений. Социальными основаниями доминирования идеи тотальности идеологии послужили военно-политические и экономические сбои в процессе реализации проекта мировой прозападной глобализации. Это выражается в надвигающихся торговых войнах между государствами и отдельными регионами планеты, а также в наметившемся распаде недоформированной единой экономической системы на макро-регионы. Политически данная тенденция выразилась в появлении национальных лидеров, ориентированных на принципы государственного суверенитета, поддержку промышленного сектора отечественной экономики и торгового протекционизма на базе идей консервативной стабилизации (В. В. Путин) и экономического национализма (Д. Трамп).

Проблематизация существования единственного гегемона в мировых отношениях спровоцировала отказ от единого европо- и американоцентричного способа интерпретации социального мира. Данная установка вызвала к жизни и актуализировала череду социальных концепций, реабилитирующих идеологию в качестве неизбежно ангажированного, но единственно доступного способа описания социальной реальности.

Российскому научно-экспертному сообществу пришлось в очередной раз идейно «переобуваться в воздухе» и начинать пропагандировать доминирующую по сей день в отечественной социальной философии тенденцию к обоснованию тотальности идеологии. Тотальность в трактовке идеологии выражается в распространении этого феномена не только на сферу общественного сознания, но и на ряд аспектов социального бытия человека. Идеология стала приобретать статус естественного элемента и в процессе отстаивания государством своих национальных интересов, и в характере форм социальной коммуникации, и даже в процедуре формирования субъекта. Идеология сегодня объявляется неотъемлемым

ингредиентом различных форм бытия власти — от контроля над производством истинностного знания до контроля над телом человека (идеология знания и биополитика); социальных взаимодействий (идеология коммуникации в СМИ); форм социализации индивида (идеология в воспитании); способов символизации объектов (идеология в процедурах символического потребления); социальных преломлений бессознательных процессов (идеология в работе бессознательного); господствующих представлений в общественном сознании (идеология социально-го воображения).

Одним из ключевых индикаторов анализа способов понимания идеологии в современной отечественной социальной философии является то, на каких авторов и какие концепции опираются исследователи, затрагивающие проблему сущности идеологии. Наблюдается закономерная картина: набор авторов и концепций, призванных раскрыть специфику идеологии относительно устойчив. Современные социальные философы практически никогда не обходят стороной и методологически взывают к М. Фуко, усмотревшему истоки идеологии в исторически детерминированных дискурсивных способах описания мира; П. Бурдьё, вскрывшему социально-символический аспект функционирования идеологии; Р. Барту, увидевшему идеологию в процессе коннотативного производства смысла понятий; Ж. Бодрийяру, уделившему внимание символическим преломлениям идеологии в процессе социально-экономического функционирования социума; С. Жижек, рассматривающему психоаналитические основания бытия идеологии в современном мире.

Мишель Фуко затронул множество ключевых тем, касающихся форм проявления микрофизики власти в социальном мире, дискурсивную природу идеологии как одного из способов проявления власти, природу знания и режим истины как экстраполяцию властного присутствия и, наконец, представление о субъекте как продукте целенаправленного идеологического воздействия. Французский философ высказал справедливую идею о том, что социальная реальность идеологически-дискурсивно конструируется с помощью языковых и понятийных средств, которые определяют порядок функционирования обозначаемых ими социальных объектов. Процесс образования понятий, конструирующих реальность, происходит по правилам, обусловленным социально-историческим контекстом. Социальные объекты вызываются к социальной жизни и приобретают значимость в сфере общественного и индивидуального сознания, наделяются смыслом исключительно внутри господствующего дискурса, понимаемого как властная способность порождать значения, производя тем самым социальную реальность. При этом французский философ подчеркивает, что он трактует дискурс как систему смыслов, порождающих социально значимые объекты, как «практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят» [1, с. 49].

Господствующий дискурс постоянно воспроизводится людьми, рециркулирует в культуре в качестве смыслов и значений, порождающих отношения истины и власти, высокого и низкого, значимого и второстепенного, господства и подчинения, раба и господина. Дискурс является идеологической матрицей, конструирующей, структурирующей и интерпретирующей человеческий опыт и создающей возможность транслировать этот опыт через знаково-символическую систему, в частности посредством языка. Однако данная позиция ни в коем случае не тяготеет к социальному солипсизму, утверждающему существование материально-предметного мира исключительно в контексте форм его описания. Постулируется лишь отсутствие когнитивных механизмов восприятия социальной реальности вне дискурсивной структуры. Было бы заблуждением считать, что доступ к материально-предметной практике возможен вне и независимо от идеологических форм сознания, от господствующей дискурсивной среды. Осмысление

результатов (как и самого факта) материально-предметной практики допустимо только посредством дискурса, внутри которого социальный опыт категоризируется, описывается, наделяется значением и смыслом. Материальная практика служит всеобщим знаменателем, своеобразным критерием истинности той или иной концепции социальной реальности. Тем не менее вписаться в господствующую разновидность идеологического мировосприятия предметная практика может лишь «в конечном итоге», после того, как ее результаты будут идеологически осмыслены и станут частью дискурсивной среды.

Опосредованность социального опыта господствующим «дискурсивным полем» чрезвычайно точно и наглядно выразили Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф в рамках своей дискурсивной теории гегемонии: «Землетрясение или падение кирпича — это события, которые реально существуют, в том смысле, что они случаются здесь и сейчас независимо от моей воли. Но вопрос, насколько они получают свою специфику как объекты, определенные в терминах «природного явления» или «выражения гнева Господнего», зависит от организации дискурсивного поля» [2, с. 108].

Пьер Бурдьё существенно обогащает идею тотальности идеологии интерпретацией понятия «символическая власть», при которой «отношения силы выражаются и проявляются ... в преобразованном и неузнаваемом виде отношений смысла...» [3, с. 95]. Символическая власть представляет собой «власть творить вещи при помощи слов», приписывая вещам объективно отсутствующие у них коннотативные характеристики, что порождает «монополию легитимного символического насилия» [4, с. 200, 204]. Механизмом реализации символической власти является дискурс, поскольку «любое использование силы сопровождается дискурсом, нацеленным на легитимацию силы того, кто ее применяет» [5, с. 194]. При этом Бурдьё делает принципиально важное замечание, касающееся этатистской природы символической власти. Созданием и интерпретацией операциональных понятий о социальном мире занимается государство. Символическая власть последних четырех столетий в Европе есть производная от власти государственной: «Государство — главный производитель инструментов построения социальной реальности» [6, с. 326].

В обществе постоянно наличествует господствующий дискурс как способ объяснения реальности, служащий обоснованием действий граждан на уровне скрытой причины их поступков. Государственно детерминированный дискурс ориентирует человека в мире, задает некую матричную систему координат, в рамках которой следует понимать реальность: «Насаждая — главным образом через систему образования — общие когнитивные структуры, неявно оценочные (нельзя говорить о черном и белом, не подразумевая при этом, что белое лучше черного)» [6, с. 326]. Важно подчеркнуть, что если язык имеет конкретно-исторические корни возникновения, то смысловое содержание понятий, используемых в языке как их форме, иницируется в идеологическом контексте. Этот контекст соответствует интересам государства, властвующих элит и экономически господствующих групп. Экспликация используемых понятий и их обоснование могут носить религиозный, политический, правовой, экономический характер, что активно идеологически используется в различных концепциях, представляющих собой трактовку реальности с позиций интересов тех или иных социальных субъектов. Дискурсивная разработка системы смысловых координат, гипотетически предполагает наличие автора, некоего субъекта, «хозяина дискурса», которым устанавливаются правила языкового определения реальности.

В обществе Премодерна в роли «хозяина дискурса» выступала религиозная и военная организация общества. Отношения сословного господства-подчинения

в традиционном социуме обоснованы как жизненно необходимая религиозная и военная функция социального организма. В обществе эпохи Модерна «хозяином дискурса» становится государство, реализующее политическую власть в интересах, как правило, класса буржуазии. Осуществление власти происходит посредством правового, политического и экономического принуждения, а также путем контроля за мировоззрением граждан. В Модерне социальные взаимодействия по линии экономического господства-подчинения приходится маскировать через их рациональную легитимацию. Легитимизация насилия происходит под эгидой и от имени некоей объективной и благодарственной социальной науки, претендующей на всеобщность и универсальность. В обществе Постмодерна наблюдается процесс полифонического порождения смыслов как способа бытия «распыленной» власти. Подрыв идеи единственности научно трактуемой истины возрождает претензии на истинность спектра донаучных, квазинаучных, антинаучных и ненаучных способов описания социальной реальности, обслуживающих в итоге интересы современного мирового финансового капитала.

Ролан Барт привнес в идею тотальности идеологии представление о том, что язык является материализованным проявлением идеологии, которая суггестивно навязывается субъектам через коннотативное значение понятий. Коннотация представляет собой вторичные значения, продуцируемые властью и навязываемые субъекту помимо его воли и сознания. Развивая идеи французского философа, следует отметить, что значение как способ усмотрения сущности предмета выражает себя в виде знака. Знак выступает посредником между предметом как таковым и нашим восприятием этого предмета. Значение предстает в форме объективного денотата (объект внеязыковой действительности), интерсубъективной коннотации (стереотипы трактовки смысла понятий), субъективного концепта (индивидуального для каждого человека смысла понятия). Значение формируется при сочетании следующих факторов: существует реальная (денотативная) социально-экономическая ситуация, влияющая на процесс формирования и развития общественного мнения; представлен социокультурный (коннотативно-дискурсивный) контекст, который задает рамки и влияет на формирование субъективных концептов тем или иным мыслителем; субъективные концепты воздействуют на формирование господствующего дискурса как императивного навязывания смылосодержащих коннотаций.

При этом приходится констатировать невозможность проведения четкой границы между концептом, коннотацией и денотатом. Причиной этому выступает знаковая система, которая, как единственно возможное условие познания мира, изначально несет искажение, аберрацию. Означаемый компонент знака человек стремится наделять таким смыслом, который представляет субъективный концепт, появившийся под влиянием интерсубъективной коннотации, в качестве объективного денотата. Предмет дается человеку в виде знака, а процесс того, как следует понимать этот знак, происходит в контексте некоей дискурсивной среды, своеобразной системы предзаданных трактовки смысла знаков. Трактовка смысла знаков — следствие сложившихся в обществе социокультурных форм мироощущения, мировосприятия и миропредставления. Превалирующий политико-социальный сегмент этих форм является идеологией, т. е. идеология — это своеобразная дискурсивная матрица смыслов, которыми наделяется социальная реальность.

Р. Барт заостряет также внимание на механизме появления политических мифов как неотъемлемого ингредиента идеологии. Дискурс, по Барту, мифологичен, социален и «бесконечно суггестивен», а миф представляет собой конструкт всех культурных и социополитических феноменов, признак всех социумов [7]. Мифология — это система коннотативных означаемых, подспудно присутствующих

щих в качестве идеологического уровня дискурса, навязываемого властью. Барт призывает критически относиться к процедурам мифологизации реальности, безуспешно пытаясь очистить язык от мифологизированных, коннотативных означаемых.

Следует отметить, что основная причина мифологизации реальности связана не с целенаправленной деятельностью политической власти, семантически тотализирующей символы и знаки. Процедура мифологизации реальности — наиболее эффективный и естественный для субъекта инструмент, с помощью которого приемлемая идея замещает собой отвергаемую реальность. В связи с этим более чем закономерным в ряде современных социально-философских исследований выглядит попытка реабилитировать миф, переосмыслив его роль и значение. Миф начинает рассматриваться не столько как неадекватный действительности способ ее отражения, но как необходимый ингредиент, который придает идеологиям привлекательность. Миф воспринимается как феномен, обладающий практической социальной значимостью. Мифологическое восприятие реальности справедливо рассматривается не в гносеологической проекции (как миф соотносится с истиной), а инструменталистски — в спектре того, какой степенью истинности обладает миф в глазах социума и насколько мифологизация реальности способствует политическому результату [8, с. 43]. Политическая мифология обоснованно наделяется социально-интегративными функциями, скрепляющими людей в единое государственное целое [9; 10].

Мифологизацией реальности пользуется любая идеология. Миф становится строительным материалом, который эффективно позволяет сконструировать в сознании индивидов желаемый образ реальности. Эффективность мифа связана с тем, что он апеллирует не только к рациональной стороне человеческого существа, но и к психологическим характеристикам человека. Миф связан с верой, поэтому демифологизация общественного сознания от тех или иных идеологических постулатов с помощью рациональных доводов контрпродуктивна. Стоит отметить, что идеологический миф может быть уничтожен лишь иным мифом. Идеология может быть дискредитирована и вытеснена лишь иной идеологией, которая для получения социальной поддержки выступает как в форме научного знания (либерализм, марксизм), так и в виде религиозной веры.

Жан Бодрийяр сфокусировал внимание на том, что субъективно приписываемый предметам смысл не всегда способен отражать характеристики материального мира. Идеология в состоянии постулировать идеи, за которыми объективно может и не стоять материального референта. Бодрийяр перенял традицию определения знака, не несущего в себе действительного (т. е. материально реального) прототипа (референта), отразив ее в понятии «симулякр». Французский философ отстаивает мысль о том, что в современном мире знаковая реальность автономизируется от своего реально-предметного прототипа и начинает существовать в обособленном состоянии, претендуя на статус единственной реальности. Согласно Бодрийяру, «разделение знака и мира — это *выдумка*», а референт как «станция реальности» «целиком и полностью» включен «в логику знака» [11, с. 186], поэтому реальность растворяется в своей знаковой репрезентации.

Идеология как система знаков, несущая в себе определенные смыслы, существует, с точки зрения Бодрийяра, не изолированно от реальности, пассивно ее отражая, но является фактором порождения реальности. Идеология — процесс социального производства и воспроизводства знаков, продуктов, услуг, человека, социальных отношений, потребностей, а следовательно, и реальности: «идеология является той единственной формой, которая проходит через все поля социального производства. Она является включением любого производства (материального

или знакового) в один и тот же процесс абстрагирования, редукции, процесс всеобщей эквивалентности и эксплуатации» [11, с. 178].

Славой Жижек сегодня — самый яркий и эпатажный популяризатор идеи субъективно-психологического присутствия идеологии в современном социуме на уровне структур бессознательного. Идеология, по Жижеку, — дискурс, выражающий волю общества к фантазиям, самообманам. Идеология имплицитно ориентирована на поиски врага с целью компенсации идентификационной недостаточности ее носителей. Идентификационная недостаточность вызвана изначальной расколотостью, «расщепленностью» субъекта. Субъект принципиально не способен удовлетвориться посредством материальной реализации желаний, что вызывает к жизни компенсационные механизмы идеологического фантазма. Словенский философ продолжает психоаналитическую традицию трактовки «Я» как сложного многоуровневого образования, пребывающего в состоянии внутренних антагонистических противоречий с самим собой. Субъект трактуется как неравный, нетождественный самому себе, и он синтезирован на трех уровнях. Во-первых, субъект обладает объективно и досоциально существующей «природной начинкой» как сгустка его инстинктивно и физиологически обусловленных желаний и бессознательных устремлений (природное, «Оно», «Реальное», Единичное). Во-вторых, в субъекта вплетены социальные аспекты его бытия в виде механизмов культурно обусловленного социального контроля и самодисциплины через идентификацию себя с обобщенной фигурой Значимого Другого (социальное, «Сверх-Я», «Символическое», Всеобщее). В-третьих, на стыке природных устремлений и практик социально-культурного насилия возникает представление субъекта о себе как дистанцированного от природы и автономного от общества рационально-психологического образования (индивидуальное, «Я», «Воображаемое», Особенное).

Следовательно, идеология локализуется не на уровне сознания субъекта, «на котором действительное положение вещей предстает в иллюзорном виде», но на уровне бессознательного фантазма, «структурирующего саму социальную действительность». Таким образом, идеология служит только себе, поэтому она и есть наслаждение [12, с. 40, 89]. Генеалогию рассмотренного нами принципа идентичности действительности и представления о ней С. Жижек выводит из «эпистемологической антиномии» эмпиризма и рационализма, которая приводит к тому, что представление о реальности онтологически определяет реальность. Более того, Жижек утверждает, что внесимволическая реальность, которую невозможно описать (некоторый «X» или «вещь в себе») — несуществующий фантом. Поэтому на вопрос о том, обладает ли «Реальное» «собственным существованием, если оно неотделимо от Символического», можно дать ответ с позиций «методологического идеализма»: «Пределы нашего языка составляют пределы нашего мира», поэтому «находящееся по ту сторону Символического абсолютно немислимо» [13, с. 470].

С точки зрения Жижека, только в процессе познания, через создание мира символов, реальности придается онтологический статус. Очевиден тот факт, что реальность не существует в виде некоей неизменной субстанциальной основы. Статус «Реального является чисто параллаксным и, в сущности, несубстанциальным: он не обладает никакой субстанциальной плотностью сам по себе, а представляет собой всего лишь разрыв между двумя точками перспективы, заметный лишь при переходе от одной точки к другой» [13, с. 37–38]. Социальная реальность, по Жижеку, — результат столкновения и конкуренции альтернативных систем идеологического мышления в плоскости общественного сознания, т. е. в пространстве абстракции, в сфере Всеобщего: «Всякое Всеобщее — это поле борьбы, на котором множество особенных содержаний ведет борьбу за гегемонию» [14, с. 150].

Радикально-эпатажную форму изложения С. Жижеком и Ж. Бодрийяром своих взглядов следует увязать с особенностями презентации философами их идей в современном мире. Общество наиболее чутко реагирует на любые формы крайностей и эпатажа. В современной шоумированной социальной реальности философам приходится сознательно подавать идеи в крайне радикализированной, нарочито вызывающей манере для пробуждения к себе интереса как со стороны интеллектуальных кругов, так и со стороны общества в целом. Чтобы максимально быстро и эффективно донести свои идеи до аудитории, современный философ обречен быть модным, провокативным и эпатажным. Однако эпатажный радикализм суждений Жижека и Бодрийяра не способен отменить актуальность и уместность поставленных мыслителями вопросов. Следует принять во внимание и тот факт, что любая идеология по природе тяготеет к симулятивности. Она стремится представить должное в виде вполне реализуемого сущего — говорится ли при этом о симуляции актуальной реальности [15], об обществе спектакля [16] либо о виртуализации общества, связанной с замещением актуальной реальности реальностью виртуальной [17].

Представляется, что поставленная словенским философом проблема «Символического» конструирования «Реального» затрагивает вопрос о статусе и значении дискурсивно-знаковой среды, порождающей смысловую матрицу, внутри которой осуществляется процесс социального познания. Поиск социальной реальности возникает как естественная необходимость общественного сознания приобрести мировоззренческое равновесие. Тяга к обретению мировоззренческой устойчивости заставляет людей верить в реальность идеологических концептов. Люди относятся к идеологически навязываемым смыслам относительно предметов так, как будто эти предметы в действительности обладают приписываемым им характеристикам. Потребность в доступе к объективно существующей реальности — условие нахождения каждым человеком смысла жизни. Желание найти в жизни смысл способствует уничтожению у людей сомнений в отношении адекватности идеологически задаваемой системы смыслов.

Необходимым условием жизненности и эффективности идеологий в современном мире выступает фактор сознания, понимаемого как побочный результат эволюционно-биологического развития. Идеология рождается как продукт развития внутренней психологической травмы субъекта, которая вызвана противоречием между трансцендентным порывом к бесконечной самореализации и осознанием конечности собственного бытия. Идеология, как и иные формы отражения реальности (религия, искусство, философия), выступает идеальной формой компенсации субъектом психологической раны осознания своей неизбежной конечности. Страх смерти служит строительным материалом для продуцирования веры в реальность абстракций. Способность к абстрактному мышлению является отличительной чертой человека, обладающего способностью наделять абстракции реальным существованием, постоянно ожидая трансформации абстрактного «должного» в конкретное «сущее». Притягательная сила идеологии выражена в том, что человеческое сознание в случае, если идеи адекватно не смогли реализоваться на практике, винит в этом не идеи, а способ, характер и условия их реализации. Идеи, вынашиваемые человеком в поле его субъективного восприятия, «плохими», нереализуемыми и неадекватными не бывают. Связано это с тем, что бытие идей коренится в чувстве веры, желаниях, надеждах на счастливое будущее, в самообмане. При этом не следует пренебрегать этим самообманом как исторически преходящей формой общественного сознания.

Идеология, будучи формой выражения потребностей и надежд социальных групп, слоев, классов и государств, несет в себе неустранимый элемент социализации чело-

века. Она выполняет наиважнейшую функцию социальной консолидации, придает противоречиям социального мира легитимность в глазах человека, пусть и в идеальных формах, но примиряет его с несправедливостями общественного устройства. Идеология заставляет подчиняться власти и в итоге производит субъекта как носителя определенных социальных опций, которые он интерпретирует в качестве лично автономных и суверенных по отношению к внешнему миру. Идеология при этом не воздействует на некоего автономного и суверенного индивида. Она изначально конструирует его таким, чтобы он продуцировал нужную реальность и вел себя соответствующим власти образом, представляя вчерашние внешние стимулы за сегодняшние автономные внутренние мотивы.

Адекватность и истинность принимаемой человеком на веру картины социальной реальности достигается не за счет критического отношения к исповедуемым идеологическим принципам. На этапе утверждения той или иной идеологии корректирующей критике подвергаются не идеологические установки на предмет их соответствия некоей константной и неизменной «реальности». Под готовую идеологическую матрицу смыслов подгоняется представление о том, что такое реальность, каковы критерии ее истинности и какими характеристиками она обладает. Конфликт идеологий выражается в форме противостояния различных интерпретаций того, что следует считать социальной реальностью. Идеологии ведут между собой своеобразную «борьбу за реальность» — борьбу за то, чей образ будет признан более реальным, чьи идеи в сознании граждан получают более весомые амбиции на онтологический статус.

Феномен идеологии распространяется на такие аспекты социального бытия, как дискурсивное знание (М. Фуко), государственно детерминированная символическая система описания мира (П. Бурдье), коннотация (Р. Барт), симулякр (Ж. Бодрийяр) либо желание субъекта (С. Жижек). Методологическая вооруженность концепциями вышеперечисленных мыслителей позволяет крайне продуктивно, научно убедительно и философски доказательно усмотреть феномен идеологии за пределами собственно общественного сознания, где она продемонстрировала отсутствие у нее строгой научности и выявила собственную социальную ангажированность. Таким образом, идеология не скрывает истинностное положение дел, не искажает реальность и не рисует вещи не такими, какими они существуют «на самом деле». Она служит способом дискурсивного порождения социальной реальности. Человек цепляется за идеологическую иллюзию, учитывая ее связь с интересом. Интерес — это осознанная потребность, а механизм осознания потребности носит и иллюзорно-идеологический характер. Идеология при этом концентрирует в себе глубинные, экзистенциальные надежды и желания субъекта.

Литература

1. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
2. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L., 1985.
3. Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
4. Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 287 с.
5. Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
6. Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Дело, 2016. 720 с.
7. Барт Р. Мифологии. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
8. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 263 с.

9. Кольев А. Н. Политическая мифология: реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. 382 с.
10. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
11. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Рус. кн., 2004. 299 с.
12. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 234 с.
13. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008. 516 с.
14. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014. 528 с.
15. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.
16. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.
17. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., Петербург. Востоковедение, 2002. 213 с.

DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-33-39

УДК 340:316

В. А. Глазырин

Право имеет значение (социологический контекст)

V. A. Glazyrin. Law Matters (Sociological Context)

Фундаментальной основой социологического изучения права является тот факт, что юридико-правовые институты присущи любым обществам, за исключением архаичных. В статье показаны возможности социологического познания обществ посредством изучения институтов права. Рассматривается дюркгеймовская концепция изучения общества через правовые нормы. Наряду с этим раскрывается авторское видение парадигмы «право имеет значение» в качестве исследовательской установки изучения права в современной социологии. Указано на важность изучения в социолого-правовых исследованиях диалектики институционализации насилия и свободы. Подчеркивается институциональная комплементарность права и современных демократических обществ.

Ключевые слова: современное общество, парадигма, право, институт, противоречие.

Контактные данные: 620137, г. Екатеринбург, Комсомольская ул., д. 21; (343) 374-43-63; rektorat@usla.ru.

Fundamental basis of sociological study of law is the fact that legal institutions are inherent in any societies except archaic ones. The aim of the article is to show the possibilities of sociological study of societies by means of study of their legal institutions. First, Durkheim's concept of study of societies through legal norms is presented. Then, the author's perspective of the paradigm "law matters" is shown. This paradigm is considered as a research guidepost in study of law in modern sociology. The importance of study of dialectics of institutionalisation of violence and freedom in sociological and legal research is pointed out. Institutional complementarity of law and modern democratic societies is emphasized.

Keywords: modern society, paradigm, law, institution, contradiction.

Contact Details: Komsomol'skaya 21, Ekaterinburg, Russian Federation, 620137; (343) 374-43-63; rektorat@usla.ru.

Валерий Алексеевич Глазырин — профессор кафедры философии и социологии Уральского государственного юридического университета, доктор социологических наук, доцент.

© Глазырин В. А., 2019